

СОБОЛЁК-КОРОЛЁК

Раньше частенько приходилось слышать, как семейного кормильца отрывали от дома. В рекруты ли забреют, за малую ли вину упекут в казённые работы. С купеческого извозу, случилось, не вертались мужички. Тогда семье один конец – пропадай!

Мыкается-мыкается бабёнка с голодными ребятишками, покада Господь её к себе ни возьмёт и останутся гнездовики желторотые у жизни под ногами...

Может, люди бы и рады разобрать их по своим семьям, да чтобы чужому дитёнку дать хлеба кусок, надо было своего по миру посылать.

Всякое случалось: и с голоду помирали сироты, и живём замерзали на зимних дорогах, и за малую кроху покорствовали перед всякой человеческой поганью...

Спасение от сиротства было чуду подобно.

Вот и хотелось бы порадовать добрых людей таким чудом, хотя и осознать нельзя, как могло обернуться настоящим придуманное счастье.

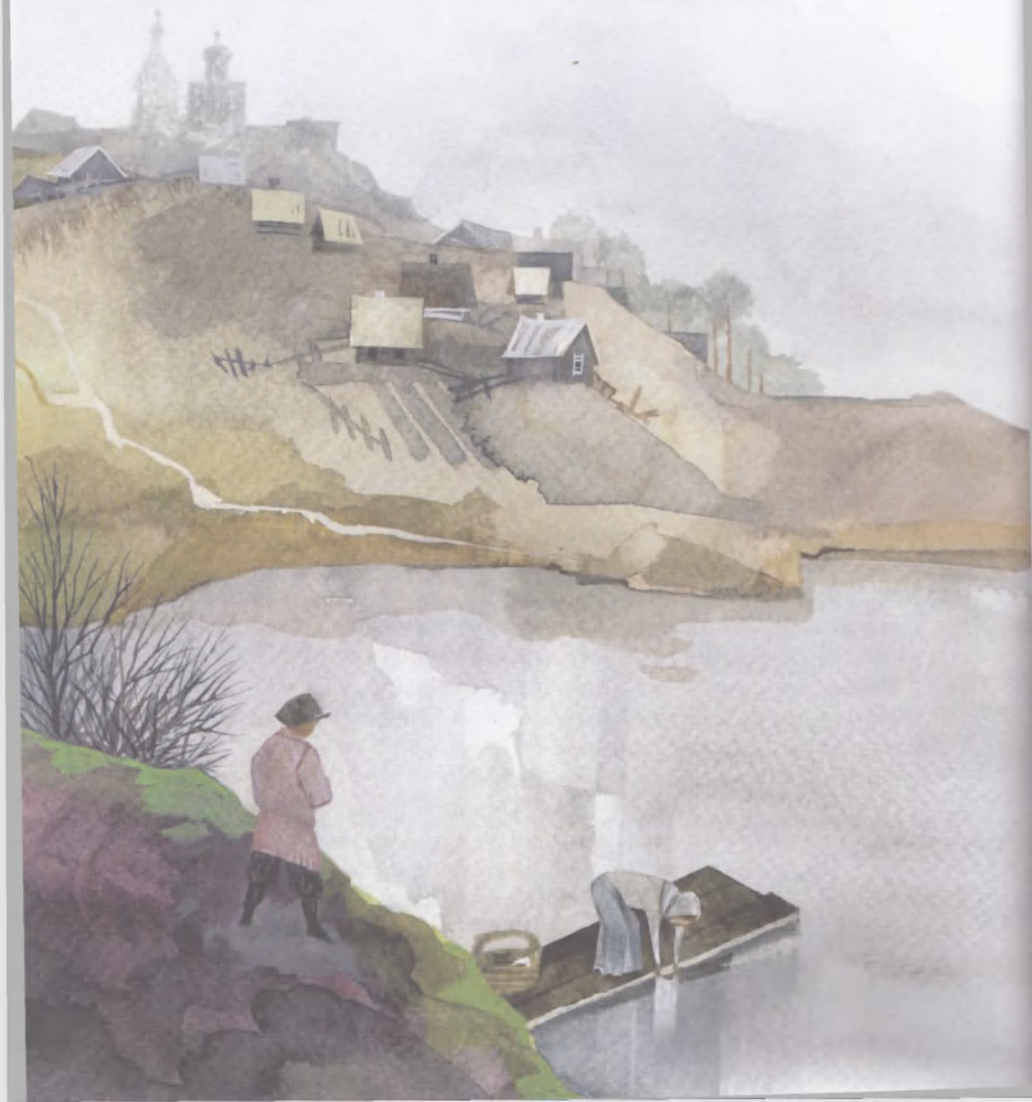
Остались в одной деревне трое ребят безо всякой опоры. Мать ихняя померла последними родами. Не минуло и шести лет, как отца, Михея Пораева, приходской поп батюшка Калистрат спровадил в уезд искать бедняцкую правду. Да где ж было суметь нетёсаному, сучковатому бревну переплыть земскую

бумажную реку? И Михай не то на мелководье застрял, не то угодил в самую стремнину. Ещё до Лукерьи-комарницы как ушёл Михай со двора, так уж и бабье лето на носу, а о нём ни слуху ни духу...

Ведь за что привязался к Михею батюшка Калистрат? За то, что как-то попёнка полоснул мужик крепкой вожжой. Тот, дурак, Михееву первенку, девчонку лет двенадцати, столкнул с мостков в ещё ледяную воду и выйти на берег не даёт.

Этому поповскому обалдую никакое другое занятие не приставало, кроме как изгаляться над заботами простых людей.

Батюшка Калистрат куда только ни отсылал своего недопарка ума набираться. И в гимназию старался спихнуть, и в какие-то корпуса добивался.

Однако порченное зёрнышко – хоть в райские кущи. Ему, сказывали, долбят про римского владыку, а он, что сытый мерин, знай ржёт да гарцует. Любою оказией, с приписками да сожалениями, присылали попёнка обратно.

В сердцах, бывало, батюшка Калистрат нагвоздит ему встречных, прополощет до рёву наставлениями; матушка попадя рыло слюнявое выкормышу своему подотрёт да и прогонит с глаз долой. Он и пошёл по деревне вытворять, что ему заблагорассудится. Силища-то в нём выдула – ломы гнуть, а укороту никакого.

Парней деревенских попёнок задирать боялся: они бы поговорили с ним по душам – то по шапке, то по ушам. Девчат, у которых братья в бороду пошли, али тех, что успели ухажёрами обзавестись, тоже огибал. Что же перед безбра-тельными полудевками – выкобенивался, хоть плюнь, хоть разотри...

Те, как могли, остерегались его, а Михеевой девчонке и в голову не западала ещё осторожность-то. Делает и делает свои дела, суетится, не прячется. То на речку – бельё полоскать, то гусят в низине собрать, то по черемшу раннюю пробежаться. Мало ли что?

Вот поповский остолоп, увидевши её на мостках, взял да и выкатал в весенней грязи стиранные рубахи. В обиде она и замахнись на него вальком – и тут же в воде оказалась. А Михей Пораев как раз шёл от заречной слободы с вожжою в руках и всё это видел. Так полоснул недоросля, ажно вожжа вокруг обвилась!

Но где пекло, там и чёрт...

На ту беду у батюшки Калистрата гостевал заезжий лекарь. Долго смотрел он слепыми глазами в расписанный Михеем остолопов зад, щупал красный рубец, а потом составил бумагу и велел Михею явиться в земскую управу.

Ушёл мужик и пропал с концом. Видно, у земских губошлёпов лысые головы без подарков не соображали. А где Михею Пораеву столько денег взять, чтобы им всем ума подсыпать? Вот они с самой весны уставились на мужика бесстыжими глазами и сидят. А время идёт!

Девчоночка Михеева замаялась с ребятишками. Да хозяйство ещё – тоже рук просит. Как-никак, семья жила не с чужого стола. Овечки, куры, лошадёнка... Они же землю глотать не станут. Соседи уж и так... И сена им тайком от отца Калистрата поставили, и подкармливали ребятишек, чем могли. Но ведь своих рук им не отдашь?

Особенно с маленькими была забота: поплёт сестра братьев за реку, травы нарвать ягнятам, глядишь – заигрались. Не то про траву, про день забыли. Она их найдёт с горем пополам, исполосует заднушки хворостиною, сядет да ревет вместе с ними. А вспомнит, как хорошо ей жилось с отцом-матерью, и вовсе ульёт слезами весь передник.

Когда Пораиха была жива, она дочку всё Малиновкой называла. За матерью и вся деревня повторяла то же самое. Девчоночка и правда была схожа с малиновкой: пела она при матери, не переставая. А то примется выдумывать разные небылицы. Деревенские ребята были готовы её слушать до зари. Вот и собирает всякое, и придумывает. Вроде чепуху говорит, а прислушаться – и большому трудно отойти.

После того, как мать померла, не столь часто, но всё же садилась Малиновка сказывать свои выдумки. Когда же Михея отослали в уезд, забыла девчоночка сказки. Ко всем бедам, поповский недопарок вовсе распоясался – ещё черти в кулачки не бьются, а уж он у Пораева двора крапиву топчет. Грозится Малиновке, что Михея никогда домой не отпустят.

Одно спасение у сироты: собачонка во дворе. Такая умница! Понимает, что хозяйке частый гость не по нутру, всё норовит повиснуть на его суконных штанах. Скоро собачонке попович понравился так, что, на краю деревни завидя, нахлёстом шла, будто волк на кабана.

– Это что же творится в твоём приходе? – стала долбить попадьа отца Калистрата в куриную грудь. – До коих пор собаки будут командовать поповскими

сыновьями? Запомни у меня: всучу я тебе кочергу – будешь мне по деревне ходить, сына от собак отбивать.

Спорить с попадьёю отцу Калистрату грешно – стал Малиновку страшать:

– Посади собаку на цепь! Не то придётся из-за тебя Божью тварь погубить.

Что оставалось Малиновке делать – хоть из дома беги. Один раз подумалось так, другой раз помыслилось, и засобиралась девчоночка в город, багюшку вырывать.

– А что? – одобрили соседи её намерение. – Пусть поглядят в управе, кого они осиротили. А о хозяйстве не думай – доглядим.

«Ну, а ежели счастье нам навстречу не пойдёт, – собирая утром братьев, думала Малиновка, – так, может, лёгкая смерть догонит».

Просёлочной дорогой девчоночка пойти побоялась – кабы поповский недоумок не догнал, пошла таёжной тропинкой.

Неуспанные ребяташки сперва квасились, а потом ничего – разгулялись, принялись по кустам бегать, дурачиться. Малиновка же, заботой измаянная, идёт и не видит ни унизанных росным бисером паучьих тенёт, ни всполохов ягод спелой рябины... Грустной думою затуманило ей глаза: что, как не найдёт она в городе отца? Тогда хоть выбирай в тайге сосёнку да карабкайся с верёвкой до первого сучка... А братья?!

В страхе глянула Малиновка на высокое дерево и замерла от удивления: на сосновой ближней веточке белый соболёк устроился, выстелил по ветке хвост и, головёнку свесивши, смотрит на ребят. Глазами с Малиновкой встретился, фыркнул озорно, хвост задрал и пошёл по стволу. С высокой маковки ещё раз фыркнул и пропал в густоте хвои.

У девчоночки вроде потеплее на душе стало, как-то надёжней. Заторопила она братьев. Но как ни подгоняла их Малиновка, а время настигло её в лесу. Братья приустать успели, закуксились, запыхтели. И опять легла печаль на маленькое сердечко.

Шумнуть бы Малиновке на ребят – отпугнуть громким голосом заботу. Да только горя громким голосом не испугаешь.

Тогда Малиновка вспомнила, как, бывало, сказывала она небылицы деревенским мальчикам, как самые

озорные из них становились
тихими и послушными.

Вот и запела она ласковым
голосом:

Всё идём-ка мы идём
по кусточкам-ельничку,
по тропинке мягонькой,
по дорожке заячьей.
А кто по лесу густому
ходит тихонько,
тот придёт-попадёт
к тётке Дрёмушке.
К тётке Дрёмушке
да ко Сну-Дядюшке.
Они ласковы, приветливы,
понятливы.
До ребяток-сироток
они добрые.
И накормят, и напоят,
в баньке выпарят.
И уложат, и спюют
колыбельную:

Как во том во бору
стоит дом-изба.
Стоит дом-изба
всё дубовая.
Слюдяны оконца в ней
переливчаты,
на конёчке – петушок
Золото Перо!
Припеваючи живёт
в той избе медведь
со своею косолапой,
со медведицей.
С ними детушки –
косматы медвежатушки.
Серый волк при них
игривее козлёночка,
рысь глазастая
им сказки всё мурлыкает...
Забегает к ним порой
зверь невиданный!
Весь он изголуба-бел,
будто первый снег.
А во лбу его звезда
о семи лучах.
Он хитрее шута,
добрей глупого.
Соболёк-королёк
прозывается.
Что тот редкостный зверь
заговорённый.
Заговорённый он,
заколдованный!
Кому сам со звездою
покажется,
знай, заветное желанье
исполнится!
На всю долгую жизнь
будет счастлив тот
всё простым
человеческим счастьем:
ни хозяин лесной
не сомнёт его,
не обидит вовек
ни судья, ни поп...

Заслушались братья Малиновку, идут, рты разинули. Вот уж и позднота стала цепляться им за пятки тенями густых ёлок. Девчоночка шагает, собирает невесть что, а сама прикидывает: где бы ей ребятишек на ночь поудобнее в лесу пристроить?

Углядела сваленный годами старый кедр. Разлапистое корневище его шатром нависло над просторной ямой.

Оставалось только поверх корней накидать лапника да устелить дно ямы мягкой травой – и заходи живи хоть до самой зимы. Вот Малиновка с ребятишками и давай на скорую руку ночлег оборудовать.

Улеглись мальцы, как дома. Прикрыла их Малиновка своим головным платком и рядом села придумывать дальше ласковые небылицы. Скоро занялись курносые дремотой, губёнки распустили. Однако не умолкает Малиновка. Уж и не братьев она заговаривает – судьбу свою горькую закликает, чтобы не была такой скупою на её простое бедняцкое счастье. А ночь выдалась непомерно тёплая да лунная. В Сибири часто к Стратилатову дню, а то и от первого Спаса кумушка-непогодушка начинает крутой зиме квашню заваривать: то дождичком польёт, то струганым ледком посыплет. Да так ли закрутит весёлую северного ветра, что и прятаться не найдёшь куда.

А нынче какая благодать держится!

Только рябина в лесу да густые тенёты не дают забыть о скорой осени. Но не хочется думать в лунную погожую ночь, что на носу Федорин день, когда уйдёт всякое лето и нагрянут долгие нудные дожди. Разведут они по дорогам непролазную грязь. В тайге толстозадый топтыгин не вынесет Федориных проказ и полезет в тёплую берлогу, отведав прежде весёлых ягод крушины. Сползутся под трухлявые пни, переплетутся клубками полусонные змеи, и в ледяной тишине заснут белые мухи. Насядутся белыс мухи стаями на могучие плечи сосен, сровняют в лесу пни да муравейники, и до самой весны только ветер залётный будет петь заснеженной тайге свою голодную волчью песню.

Сидит Малиновка под кедровым корневищем, слушает, как посвистывают ногами братья, и покажись ей, что в лесу посветлело. Перед нею на таёжной еланке былинку всякую видать, даже ту, которую днём-то пройдёшь не заметишь.

И вот дрогнула на молодой ёлке ветка, будто её кто озорной сильно пригнул да разом и выпустил из пальцев. Видит Малиновка: с ёлочной хвои на густую траву скатился светлым клубочком зверёк небольшенький и кольцами-пстлями стал набегать поближе к валежному кедру. Посреди еланки остановился, шустрый, столбиком сел на хвост и огляделся – важный, что барин перед народом. Тут он углядел под корневищем девчоночку, мотнулся на ближний смородинный куст, закачался на тонкой веточке, летом перемахнул на совсем близкий от Малиновки подёлок, там прыгнул на сосну и выюном пошёл к самой её маковице.

«Ой! – узнала Малиновка. – Соболёк давешний».

– Ишь, белый! – радостно шумнула она наверх. – Спускайся сюда.

В ответ у неё в ногах хлопнулась сосновая шишка и отскочила в сторону. Другая ударилась о корневище и упала девчоночке прямо в подол.

– Озоруй мне! – засмеялась Малиновка и погрозила собольку пальцем, да подумала: «Должно, рядышком где-то гнездо, вот и прогоняет».

Третья шишка угодила Малиновке прямо в темечко, хотела девчоночка вернуть озорнику его подарок, да не успела: вот уж соболёк сидит на нижней ветке сосны и посверкивает глазами на Малиновку. А сам то голову наклонит, то вскинет, то спину выгнет колесом, то хвост дудкою поставит... Да цвыркает на Малиновку, да потявкивает, будто разговаривает и сердится на её непонятливость. Ишь ты!

Потом вовсе на землю соскочил и давай перед Малиновкой кренделя выписывать, будто озорной парень на гулянке.

Хочочет Малиновка, а соболёк выкамаривает... Сперва девчоночка в ладоши хлопала, а потом сама пошла ногами перебирать...

Соболёк всё Малиновке под руку подворачивается, только тронуть себя не даёт – отскакивает. А Малиновка за ним тянется – погладить охота.

Когда набегалась Малиновка, запыхалась, передохнуть остановилась, увидела вдруг, что шалаша-то рядом нету! Кругом такая глухота да рям, такой подлесок, что между кустов собаке не проскочить! Только одинёшенька сосна высится перед девчоночкой. И самого соболька нигде не видно.

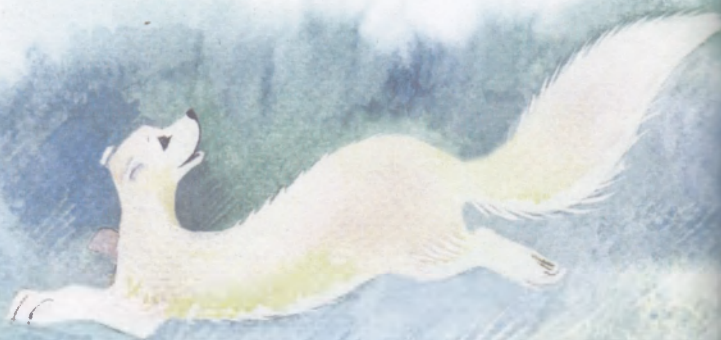
Большого страха Малиновка не почуяла: не столь долго она с озорником играла, чтобы шибко далеко от братьев убежать. Да и выросла она в тайге. Знает, что об эту пору ни один зверь человека не тронет. А вот на соболька маленько осерчала. Но, заметивши в сосне дупло, догадалась:

– А вот ты где! Счас я тебя за белый хвост вытяну! Покажешь мне свою звёздочку о семи лучах...

И тут же подумала: «Опять ерунду горожу».

Сунула девчоночка в дупло палку – нет никого! Полезла рукой – пусто! Нет соболька! Только ореховая мелкота раскатилась между пальцами тяжёлыми камушками. Малиновка шепотью захватила тех странных орешков и на ладонь себе рассыпала.

Ма-мынь-ка! Видит Малиновка при луне: лежат у неё на ладони крупные золотые бусины...

– Лишеньки мне! – шепчет Малиновка. – Где ж это видано, чтобы золото в душе самородками рождалось?! Должно, чей-то грех тут упрятан да ко мне в руки просится. Господи! Неуж своего горя у меня мало?

Ссыпала Малиновка золотые бусины обратно и заторопилась прочь.

Но, побегавши по зарослям, вдруг опять оказалась на том же самом месте.

«Ну те! – подивилась со страхом девчоночка. – Как такое вышло, что закрутилась я?! Надобно луны держаться...»

И снова принялась кусты раздвигать.

Что ты скажешь! Опять перед нею сосна!

Видать, другая дорога той ночью была ей заказана, поскольку Малиновка и в третий раз оказалась на нечистом месте.

Села девчоночка поодаль от сосны на трухлявую коряжину, уронила руки и собралась помирать. Нашла на неё такая отупень, что ничегошеньки-то ей не надо, никого-то ей не жалко – всё у неё хорошо, и виноватых нет...

Уткнулась Малиновка головою в худые колени свои, покачалась на коряжине и задремала.

В дремоте чувствует: кто-то её по голове погладил! Вскинула она испуганно глаза: «Ой!». Отец перед нею стоит и улыбается.

– Батюшка! Родимый ты мой! – заревела в голос Малиновка да, повиснув на отцовской шее, хлюпает, спрашивает: – Откуда ты взялся?

– С того света, – смеётся Михай. – Не веришь! Вот те крест! А ты пошто в сторонке от шалаша дремлешь? Вона какой ловкий наладила! Спала бы себе вместе с ребятами.

Зайкнулась было Малиновка о собольке сказать, да увидела, что и впрямь шалаш рядом и братья в нём посыпёхивают лежат. Должно быть, ни разочку не просыпались.

А Михай удивляется:

– Так вы что тут одни?! Без народу?! Орехи, что ли, втроём наладились бить?

– Не-ст, -- замаялась девчоночка, чтобы не огорчить родимого скорой заботой. – Место пришли смотреть.

– А что! – одобрил Михай, разглядывая утренние уже кедры. – Ты гляди, какое место! Шишек-то сколько! Чтой-то я раньше не знавал этого кедрача! Неделей надобно сюда вернуться.

– Тебя как отпустили-то? – в нетерпении теревит Малиновка отца.

– Чудом! – опять смеётся Михай. – Истинно чудом. Я и сам до сих пор не верю! Давай-ка сядем потолкуем, покуда ребята спят.

Устроились они рядком у шалаша, и обсказал Михай дочери о странном своём избавлении.

– Меня, – говорит, – до суда в пересыльной держали. Я у них там за подметалу состоял. Днём суета этапная мешала работе, а ночами самое время убирать...

Вот вышел, значит, Михай с вечера к тюремным решётчатым воротам, начал метлою сор подхватывать. А на часах у ворот стоит такой же мужик, как он сам, только одет в казённое. Хороший мужик – не понукает...

Откуда ни возьмись, бежит тюремный смотритель, чтобы скорее ворота отворяли. Дескать, гости едут, встречать тороплюсь. Глянул Михай на дорогу – вот уж он, возок расписной, к воротам подкатывает. Часовой Михею маячит: дескать, отойди подальше.

Сыздаля-то не было у Михея возможности разобрать, о чём толковал с перелуганным зрителем хозяин богатого возка. Только видно было, как удалой возница всё подмаргивал ему, поигрывал тонким прутиком да посверкивал с белой шапки дорогою звёздочкою.

Так хотелось Михею крикнуть тому вознице, что не бандит он, не убийца какой! Нечего смеяться над чужим горем. А смотритель между тем исприседался перед гостем, исприглашался пожаловать к нему в дом. Но в ответ только хлопнула сердито дверца возка, и возница крутанул над смотрителевой головою тонким прутиком.

С великой досады смотритель влетел в ворота, как сатана в пекло!

Михею ажно почудилось, что тюремный двор сажей подёрнулся, а от казёника искры летят.

Попятился Михай со своею метлою подальше от греха, тут его смотритель и поймал, как волк глупого зайца.

– Кто? – кричит да тычет Михею пальцем прямо в лицо. – Этапный?!

– Не-е, – отвечает Михай, – тутошний я, деревенский. Третий месяц суда жду.

– Какое за тобой дело? – опять орёт.

– Попёнка вожжою огрел...

– Пошёл вон! – визжит смотритель. – Что стоишь, вылупилась...

А Михай столбом стоит, ничегошеньки понять не может – хоть убей!

Тогда караульный метлу из его рук выхватил, да метлою, да метлою его по спине...

– Не поймёшь, дурак? Пошёл вон, говорят! – и пинка добавил.

А уж за воротами шепчет по-доброму:

– Слыхал?! Новый губернатор к нам прибывает – смотреть будет, как да за что православных по тюрьмам томят. Ты ступай себе, иди спокойно...

Поклонился Михай доброму караульщику земным поклоном и прямо домой!

– Ночь прошагал – ничо, – объясняет Малиновке отец. – А утром чую – устал. Передохнуть не мешало бы. Тут и шалаш увидел. Сунулся в него – вот те раз! Мои напёрстки лежат, ещё и платком твоим прикрыты. И ты, гляжу, близко сидишь, дремлешь. Ну скажи ты мне: это ли не чудо чудное, диво дивное? И от тюрьмы даром отделался, и с вами в глухом лесу не разминулся. Бывает же такое на свете!

У Малиновки от отцовского рассказа сердце затрепетало, однако заговорить о собольке не насмелилась.

«Вот ещё, – думает, – полезу к батюшке в радость со своими придумками. А всё-таки странно, что у кучера на белой шапке звезда сияла!»

Вовсе по свету повёл Михай Пораев огольцов своих с дочкою обратно в деревню. На подходе к околице Малиновка вспомнила:

– Платок в шалаше оставила!

– Да Бог с ним, с платком, – утешил дочку Михай. – Вернёмся за орехами – подберём. Кому он в лесу нужен?

Стали Пораевы в деревню входить – народ увидел.

– Ты гляди, что на свете делается! – кричит одна баба другой. – Отпустили Михея-то!

– И то!

– Слава те, Господи!

– Уж не по этой ли нужде нарочный из уезду вечер до батюшки Калистрата приезжал?

– А холера его знает.

– А пошто бы матушке провожать-то его со слезами?

– А холера её знает.

– И обалдуй ихний что-то не показывает.

– Да чёрт с ним!

– Ой, чо будет, чо будет...

– Ничо не будет. Приструнят Калистрата. Не одного ить он Михея обижал.

– Дай-то Бог...

Когда Пораевы, переклянявшись со всею деревней, отворили запертую избу, Малиновка первой ступила на порог. Ступить-то она ступила, да заробела у косяка: так чисто в избе, так светло, будто три солнца в окна глядят. Когда же решила дальше пройти, увидела: платок, ею забытый утром в лесу, лежит разостлан по столу, а на самой его серёдке горит яркой звёздочкой дорогая брошь.

Новосибирская областная
библиотека имени Г.И. Успенского
ИНВ. № 376285